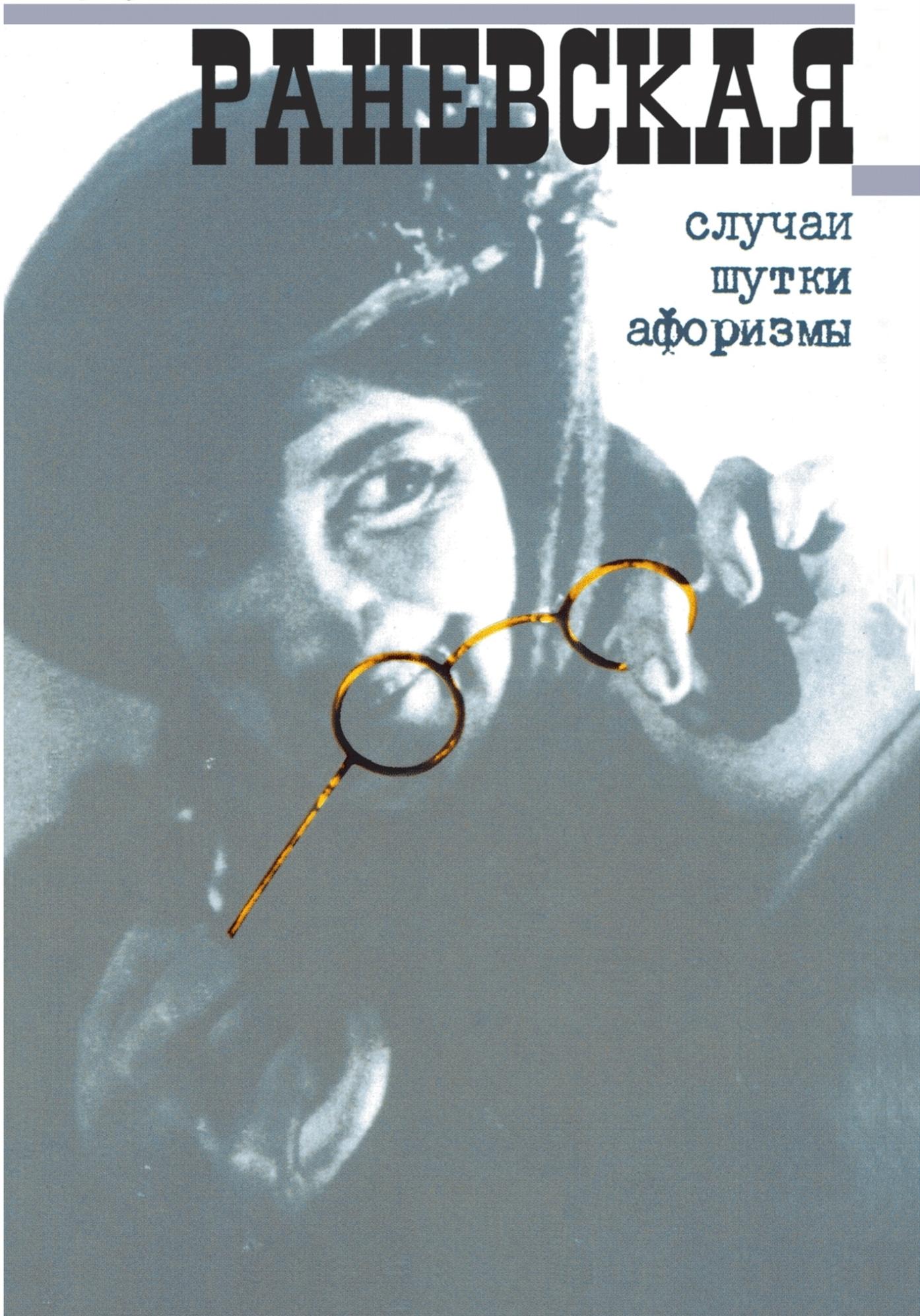

ФАЙНА

РАНЕВСКАЯ

случаи
шутки
афоризмы

Фаина Раневская
Случаи. Шутки. Афоризмы

«Издательство Захаров»

2017

УДК 82-36
ББК 84/2(2Нјс=Нес)-411

Раневская Ф. Г.

Случаи. Шутки. Афоризмы / Ф. Г. Раневская — «Издательство
Захаров», 2017

ISBN 978-5-8159-1380-6

Парадоксальные истории и остроумные фразы, казалось, шлейфом следовали за Фаиной Георгиевной Раневской. Их подхватывали окружающие, и вскоре ее афоризмы уже самостоятельно путешествовали по Москве, передаваясь из уст в уста. Кто-то считал, что актриса намеренно выдумывает свои шутки, другие утверждают, что острословие ее было врожденным и произвольным. Просто всю свою долгую жизнь актриса прожила будто на сцене, ее ранимая личность пряталась под личиной язвительной и скандальной женщины, которая никогда не была сдержанна на язык. Эта книга собрала под своей обложкой множество историй, афоризмов, анекдотов, посвященных или приписываемых Фаине Раневской. Большинство из них увидит свет впервые.

УДК 82-36

ББК 84/2(2Нјс=Нес)-411

ISBN 978-5-8159-1380-6

© Раневская Ф. Г., 2017

© Издательство Захаров, 2017

Содержание

От издателя	5
Глава I	6
Глава II	13
Глава III	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Фаина Раневская

Случаи. Шутки. Афоризмы

От издателя

Фаина Георгиевна Раневская прожила долго – 88 лет (родилась в 1896, а умерла в 1984 году). Актриса, способная заменить собой всю труппу; философ с сигаркой, скандальная особа, язвительная дама с толстым голосом, страшно одинокая и ранимая душа... Гремучая смесь!

Она никогда не стесняла себя в выражениях. Многие полагали, будто Раневская придумывала шутки, афоризмы, которые потом разлетались по Москве и двигались дальше. На самом деле Фаине Георгиевне незачем было что-то сочинять. Ее остроумие сродни рефлексу – оно произвольное.

Этот сборник включил в себя афоризмы, шутки, анекдоты, житейские истории, автор или главная героиня которых – Ф.Г.Раневская. Немало историй уже было опубликовано – прежде всего в вышедшей в «Захарове» одновременно с этим сборником большой книге А.В.Щеглова «Раневская. Фрагменты жизни». Еще больше впервые появляется только здесь. При этом, кроме очевидных случаев, вопрос об авторстве решен не окончательно.

Почему? Потому что удачные беспризорные шутки часто приписывали Раневской. Причем гораздо чаще, чем, например, ее друзьям – известным шутникам Ростиславу Плятту или Рине Зеленой.

Для дотошных – анекдот. Двое спорят о том, кто произнес фразу, ставшую крылатой – Пушкин или Лермонтов. Устав препираться, спорщики решили: «Тебе это сказал Пушкин, а мне – Лермонтов».

Составитель и издатель благодарят Фаину Георгиевну Раневскую и ее «эрззац-внука» Алексея Валентиновича Щеглова, Анну Ахматову, Веру Марецкую и Рину Зеленую, Виктора и Михаила Ардовых, Юрия Борева и Иосифа Раскина, Илью Вайсфельда, Василия Катаняна, Зиновия Паперного, Бенедикта Сарнова, Бориса Филиппова и Валентина Школьникова, а также М.Путинковского и Е.Ямпольскую, М.Райкину и Д.Щеглова, Т.Г.Ничипорович, Г.П.Лобарева и Н.М.Панфилову.

Еще мне незаслуженно приписывают заимствования из таких авторов как Марк Твен, Бернард Шоу, Тристан Бернар, Константин Мелихан и даже Эзоп и Аристотель. Мне это, конечно, лестно, и я их поэтому тоже благодарю, особенно Аристотеля и Эзопа.

Глава I

Жизнь, или Опыт со смертельным исходом

«Душа – не жопо, высратья не может»
Шалютин в передаче Раневской

Раневская выносила жестокие определения другим.
Определения, смахивающие на решение судебных инстанций.
Но не щадила и себя.

Настоящая фамилия Раневской – Фельдман. Она была из весьма состоятельной семьи. Когда Фаину Георгиевну попросили написать автобиографию, она начала так: «Я – дочь небогатого нефтепромышленника...» Дальше дело не пошло.

В архиве Раневской осталась такая запись:

«Пристают, просят писать, писать о себе. Отказываю. Писать о себе плохо – не хочется. Хорошо – неприлично. Значит, надо молчать. К тому же я опять стала делать ошибки, а это постыдно. Это как клоп на манишке. Я знаю самое главное, я знаю, что надо отдавать, а не хватать. Так доживаю с этой отдачей. Воспоминания – это богатство старости».

В юности, после революции, Раневская очень бедствовала и в трудный момент обратилась за помощью к одному из приятелей своего отца.

Тот ей сказал:

– Дать дочери Фельдмана мало – я не могу. А много-у меня уже нет...

– Первый сезон в Крыму, я играю в пьесе Сумбатова Прелестницу, соблазняющую юного красавца. Действие происходит в горах Кавказа. Я стою на горе и говорю противно-нежным голосом: «Шаги мой легче пуха, я умею скользить, как змея...» После этих слов мне удалось свалить декорацию, изображавшую гору, и больно ушибить партнера. В публике смех, партнер, стена, угрожает оторвать мне голову. Придя домой, я дала себе слово уйти со сцены.

– Белую лисицу, ставшую грязной, я самостоятельно выкрасила чернилами. Высушив, решила украсить ею туалет, набросив лису на шею. Платье на мне было розовое, с претензией на элегантность. Когда я начала кокетливо беседовать с партнером в комедии "Глухонемой" (партнером моим был актер Ечменев), он, увидев черную шею, чуть не потерял сознание. Лисица на мне непрестанно линяла. Публика веселилась при виде моей черной шеи, а с премьершей театра, сидевшей в ложе, бывшим моим педагогом, случилось нечто вроде истерики... (это была П.Л.Вульф). И это был второй повод для меня уйти со сцены.

– Знаете, – вспоминала через полвека Раневская, – когда я увидела этого лысого на броневике, то поняла: нас ждут большие неприятности.

О своей жизни Фаина Георгиевна говорила:

– Если бы я, уступая просьбам, стала писать о себе, это была бы жалобная книга – «Судьба – шлюха».

– В театре меня любили талантливые, бездарные ненавидели, шавки кусали и рвали на части.

Как я завидую безмозглым!

– Кто бы знал мое одиночество? Будь он проклят, этот самый талант, сделавший меня несчастной...

– Страшно грустна моя жизнь. А вы хотите, чтобы я воткнула в жопу куст сирени и делала перед вами стриптиз.

– Я – выкидыш Станиславского.

– Я провинциальная актриса. Где я только ни служила! Только в городе Вездесранске не служила!..

В свое время именно Эйзенштейн дал застенчивой, заикающейся дебютантке, только появившейся на «Мосфильме», совет, который оказал значительное влияние на ее жизнь.

– Фаина, – сказал Эйзенштейн, – ты погибнешь, если не научишься требовать к себе внимания, заставляя людей подчиняться твоей воле. Ты погибнешь, и актриса из тебя не получится!

Вскоре Раневская продемонстрировала наставнику, что кое-чему научилась.

Узнав, что ее не утвердили на роль в «Иване Грозном», она пришла в негодование и на чей-то вопрос о съемках этого фильма крикнула:

– Лучше я буду продовать кожу с жопы, чем сниматься у Эйзенштейна!

Автору «Броненосца» незамедлительно донесли, и он отбил из Алма-Аты восторженную телеграмму: «Как идет продажа?»

Я социальная психопатка. Комсомолка с веслом.

Вы мена можете пощупать в метро. Это я там стою, полусклонясь, в упальной шапочке и медных трусиках, в которые все октябрята стремятся залезть. Я работаю в метро скульптурой. Меня отполировало такое количество лап, что даже великая проститутка Нана могла бы мне позавидовать.

– Я, в силу отпущенного мне дарования, пропищала как комар.

– Я жила со многими театрами, но так и не получила удовольствия.

Раневская вспоминала:

– Ахматова мне говорила: «Вы великая актриса». И тут же добавляла: «Ну да, я великая артистка, и поэтому я ничего не играю, меня надо сдать в музей. Я не великая артистка, а великая жопа».

Долгие годы Раневская жила в Москве в Старопименовском переулке. Ее комната в большой коммунальной квартире упиралась окном в стену соседнего дома и даже в светлое время суток освещалась электричеством. Приходящим к ней впервые Фаина Георгиевна говорила:

– Живу, как Диоген. Видите, днем с огнем!

Марии Мироновой она заявила:

– Это не комната. Это сущий колодец. Я чувствую себя ведром, которое туда опустили.

– Но ведь так нельзя жить, Фаина.

– А кто вам сказал, что это жизнь?

Миронова решительно направилась к окну. Подергала за ручку, остановилась. Окно упиралось в глухую стену.

– Господи! У вас даже окно не открывается...

– По барышне говядина, по дерьму черепок...

Эта жуткая комната с застекленным эркером была свидетельницей исторических диалогов и абсурдных сцен. Однажды ночью сюда позвонил Эйзенштейн. И без того неестественно высокий голос режиссера звучал с болезненной пронзительностью:

– Фаина! Послушай внимательно. Я только что из Кремля. Ты знаешь, что сказал о тебе Сталин?!

Это был один из тех знаменитых ночных просмотров, после которого «вождь народов» произнес короткий спич:

– Вот товарищ Жаров хороший актер, понаклеит усики, бакенбарды или нацепит бороду, и все равно сразу видно, что это Жаров. А вот Раневская ничего не наклеивает и все равно всегда разная...

– Как вы живете? – спросила как-то Ия Саввина Раневскую.

– Дома по мне ползают тараканы, как зрители по Генке Бортникову, – ответила Фаина Георгиевна.

– Фаина Георгиевна, как ваши дела?

– Вы знаете, милочка, что такое говно? Так оно по сравнению с моей жизнью – повидло.

– Как жизнь, Фаина Георгиевна?

– Я вам еще в прошлом году говорила, что говно. Но тогда это был марципанчик.

– Жизнь – это затяжной прыжок из п...зды в могилу.

– Жизнь – это небольшая прогулка перед вечным сном.

– Жизнь проходит и не кланяется, как сердитая соседка.

– Бог мой, как прошмыгнула жизнь, я даже никогда не слышала, как поют соловьи.

– Когда я умру, похороните меня и на памятнике напишите: «Умерла от отвращения».

– Почему вы не пишете мемуаров?

– Жизнь отнимает у меня столько времени, что писать о ней совсем некогда.

Раневская на вопрос, как она себя сегодня чувствует, ответила:

– Отвратительные паспортные данные. Посмотрела в паспорт, увидела, в каком году я родилась, и только ахнула...

– Паспорт человека – это его несчастье, ибо человеку всегда должно быть восемнадцать, а паспорт лишь напоминает, что ты можешь жить, как восемнадцатилетняя.

Раневская говорила:

– Старость – это просто свинство. Я считаю, что это невежество Бога, когда он позволяет доживать до старости. Господи, уже все ушли, а я все живу. Бирман – и та умерла, а уж от нее я этого никак не ожидала. Страшно, когда тебе внутри восемнадцать, когда восхищаешься прекрасной музыкой, стихами, живописью, а тебе уже пора, ты ничего не успела, а только начинаешь жить!

«Третий час ночи... Знаю, не засну, буду думать, где достать деньги, чтобы отдохнуть во время отпуска мне, и не одной, а с П.Л. (Павлой Леонтьевной Вульф). Перерыла все бумаги, обшарила все карманы и не нашла ничего похожего на денежные знаки...» 48-й год, 30 мая.

(Из записной книжки народной артистки.)

Раневская с негодованием заявляет: – Ох уж эти несносные журналисты! Половина лжи, которую они распространяют обо мне, не соответствует действительности.

– Старая харя не стала моей трагедией – в 22 года я уже гримировалась старухой, и привыкла, и полюбила. старух моих в ролях. А недавно написала моей сверстнице: «Старухи, я любила вас, будьте бдительны!»

Книппер-Чехова, дивная старуха, однажды сказала мне: «Я начала душиться только в старости».

Старухи бывают ехидны, а к концу жизни бывают и стервы, и сплетницы, и негодяйки... Старухи, по моим наблюдениям, часто не обладают искусством быть старыми. А к старости надо добреть с утра до вечера!

– Одиноко. Смертная тоска. Мне 81 год...

Сажу в Москве, лето, не могу бросить псину. Сняли мне домик за городом и с сортиром. А в мои годы один может быть любовник – домашний клозет.

– Стареть скучно, но это единственный способ жить долго.

– Старость, – говорила Раневская, – это время, когда свечи на именинном пироге обходятся дороже самого пирога, а половина мочи идет на анализы.

– Старость, это когда беспокоят не плохие сны, а плохая действительность.

Раневская сказала Зиновию Паперному:

– Молодой человек! Я ведь еще помню порядочных людей... Боже, какая я старая!

– Воспоминания – это богатства старости.

– Успех – единственный непростительный грех по отношению к своему близкому.

– Спутник славы – одиночество.

– Одиночество как состояние не поддается лечению.

– Когда у попрыгуньи болят ноги, она прыгает сидя.

– Оптимизм – это недостаток информации.

Подводя итоги, Раневская говорила: – Я родилась невыявленной и ухожу из жизни недопоказанной. Я недо...

– У меня хватило ума прожить жизнь глупо.

– Жизнь моя... Прожила около, все не удавалось. Как рыжий у ковра.

– Всю свою жизнь я проплавала в унитазе стилем баттерфляй.

– Ничего кроме отчаянья от невозможности что-либо изменить в моей судьбе.

Глава II

Коллеги, или Творческая коммуналка

«Мне попадают не лица, а личное оскорбление!»

Раневская

Раневская жила в большой коммуналке – в мире искусства – так, как лишь и можно там выжить: ворча, огрызаясь, руками и ногами вцепившись в дверь собственной комнатки.

«Для меня всегда было загадкой – как великие актеры могли играть с артистами, от которых нечем заразиться, даже насморком. Как бы растолковать бездари: никто к вам не придет, потому что от вас нечего взять. Понятна моя мысль неглубокая?»

(Раневская, из зап. книжки)

Раневская говорила:

– Птицы ругаются, как актрисы из-за ролей. Я видела как воробушек явно говорил колкости другому, крохотному и немощному, и в результате ткнул его клювом в голову. Все, как у людей.

– Я не признаю слова «играть». Играть можно в карты, на скачках, в шашки. На сцене жить нужно.

– Это не театр, а дачный сортир. В нынешний театр я хожу так, как в молодости шла на аборт, а в старости рвать зубы. Ведь знаете, как будто бы Станиславский не родился. Они удивляются, зачем я каждый раз играю по-новому.

О новой актрисе, принятой в театр «Моссовета»:

– И что только ни делает с человеком природа!

– У нее не лицо, а копыто, – говорила об одной актрисе Раневская.

– Смесь степного колокольчика с гремучей змеей, – говорила она о другой.

Главный художник «Моссовета» Александр Васильев характеризовался Раневской так: «Человек с укусным голосом».

О коллегах-артистах:

– У этой актрисы жопа висит и болтается, как сумка у гусара.

– У него голос – будто в цинковое ведро ссыт.

Об одном режиссере:

– Он умрет от расширения фантазии.

– Пипи в трамвае – все, что он сделал в искусстве.

Раневская о проходящей даме: "Такая задница называется «жопа-игрунья».

А о другой: «С такой жопой надо сидеть дома!»

Обсуждая только что умершую подругу-актрису: – Хотелось бы мне иметь ее ноги – у нее были прелестные ноги! Жалко – теперь пропадут...

Однажды Раневская участвовала в заседании приземной комиссии в театральном институте.

Час, два, три...

Последней абитуриентке, в качестве дополнительного вопроса, достается задание:

– Девушка, изобразите нам что-нибудь очень эротическое, с крутым обломом в конце...

Через секунду приемная комиссия слышит нежный стон:

– А... аа... ааа... Аа-а-а-пчхи!!!

Раневская и Марецкая идут по Тверской. Раневская говорит:

– Тот слепой, которому ты подала монетку, не притвора, он действительно не видит.

– Почему ты так решила?

– Он же сказал тебе: «Спасибо, красотка!»

Встречаются Раневская и Марлен Дитрих.

– Скажите, – спрашивает Раневская, – вот почему вы все такие худенькие да стройненькие, а мы – большие и толстые?

– Просто диета у нас особенная: утром – кекс, вечером – секс.

– Ну, а если не помогает?

– Тогда мучное исключить.

– Критикессы – амазонки в климаксе.

– Когда нужно пойти на собрание труппы, такое чувство, что сейчас предстоит дегустация меда с касторкой.

– Деляги, авантюристы и всякие мелкие жулики пера! Торгуют душой, как пуговицами.

Режиссера Варпаховского предупреждали: будьте бдительны. Будьте настороже. Раневская скажет вам, что родилась в недрах МХАТа.

- Очень хорошо, я и сам так считаю.
- Да, но после этого добавит, что вас бы не взяли во МХАТ даже гардеробщиком.
- С какой стати?
- Этого не знает никто. Она все может сказать.
- Я тоже кое-что могу.
- Не делайте ей замечаний.
- Как, вообще?!
- Говорите, что мечтаете о точном психологическом рисунке.
- И все?
- Все. Впрочем, этого тоже не говорите.
- Но так же нельзя работать!
- Будьте бдительны.

Варпаховский начал издавека. Причем в буквальном смысле: на некотором расстоянии от театра. Репетиции происходили наедине с Раневской, на одной из скамеек Сретенского бульвара. Ей это показалось забавным: заодно и воздухом можно дышать.

- Фаина Георгиевна, произносите текст таким образом, чтобы на вас не оборачивались.
- Это ваше режиссерское кредо?
- Да, пока оно таково.

– Не изменяйте ему как можно дольше. Очень мило с вашей стороны иметь такое приятное кредо. Сегодня дивная погода. Весной у меня обычно болит жопа, ой, простите, я хотела сказать спинной хрэбэт, но теперь я чувствую себя как институтка после экзамена... Посмотрите, собака! Псина моя бедная! Ее, наверно, бросили! Иди ко мне, иди... погладьте ее немедленно. Иначе я не смогу репетировать. Это мое актерское кредо. Пусть она думает, что ее любят. Знаете, почему у меня не сложилась личная жизнь и карьера? Потому что меня никто не любил. Если тебя не любят, нельзя ни репетировать, ни жить. Погладьте еще, пожалуйста...

Когда перебрались в театр и отвлекаться стало не на что, Раневская взяла свое. Она репетировала только с теми актерами, с которыми хотела. Ее собирався бить один из артистов, которому она сделала грубое замечание насчет несвоевременного выхода, – реплику Раневская действительно подала очень тихо.

– А вы говорите громче, тогда я услышу, – сказал бедняга, и без того уязвленный эпизодической ролью санитаря, которую вынужден был исполнять.

– Что?! Кто это?! Я впервые вижу вас в театре. Это рабочий сцены? Я не работаю с любителями! Скажите, чтобы меня немедленно заменили.

Ее, конечно, никто не собирався менять.

Это она отменяла мизансцены, переставляла отдельные фразы, куски текста и даже мебель на сцене и за кулисами. Внезапно ее раздражил огромный диван, на котором в перерыве отдыхали актеры, и она приказала его уничтожить. Узнавший об этом Михаил Погоржельский пришел в ярость и выговорил Раневской многое из того, что думал по этому и другим поводам. Обескураженная открытым и справедливым напором, Раневская промолчала и через несколько минут перестала вдруг слышать реплики, подаваемые Погоржельским по ходу репетиции.

Постоянными придирками она довела до слез Ию Саввину. Потом звонила с извинениями, которые потрясали величественной откровенностью: «Я так одинока, все друзья мои умерли, вся моя жизнь – работа... Я вдруг позавидовала вам. Позавидовала той легкости, с какой вы работаете, и на мгновение возненавидела вас. А я работаю трудно, меня преследует страх перед сценой, будущей публикой, даже перед партнерами. Я не капризничаю, девочка,

я боюсь. Это не от гордыни. Не провала, не неуспеха я боюсь, а – к вам объяснить? – это ведь моя жизнь, и как страшно неправильно распорядиться ею».

Терпели все. Терпели все. Потому что видели, что могло получиться из этого хаоса, сора, скандала и склок.

Как и ожидалось, то и дело возникала мхатовская тематика.

– Вы очень торопитесь, – говорила она Варпаховскому, – у вас, наверно, много работы на стороне, как теперь принято выражаться. Вы халтурщик, а я мхатовка, могу репетировать с утра до ночи. Я вас возненавижу, бедный!

С ужасом ждали появления декораций. И не напрасно.

– Где первый ряд?

– Вот он, Фаина Георгиевна.

– Этого не будет!

– Но почему?

– Я убогу, я боюсь публики. Я вам аплодирую, но я не буду играть. Если бы у меня было лицо, как у Тарасовой... У меня ужасный нос... Макет великолепный, фантазия богатая, рояль надо купить коричневый... – говоря это, Фаина Георгиевна отодвигала стулья метра на два в глубину сцены.

– Скажите Фаине Георгиевне, – обращался Варпаховский к помощнику режиссера Нелли Молчадской, – скажите ей, пусть выходит вот так, как есть, с зачесанными волосами, с хвостом. Он все еще имел наивность думать, что кто-то способен влиять на Раневскую.

Памятуя советы осторожных, он тщательно подбирал слова после прогона:

– Все, что вы делаете, изумительно, Фаина Георгиевна. Буквально одно замечание. Во втором акте есть место, – я попросил бы, если вы, разумеется, согласитесь...

Следовала нижайшая просьба.

Вечером звонок Раневской:

– Нелочка, дайте мне слово, что будете говорить со мной искренне.

– Даю слово, Фаина Георгиевна.

– Скажите мне, я не самая паршивая актриса?

– Господи, Фаина Георгиевна, о чем вы говорите! Вы удивительная! Вы прекрасно репетируете.

– Да? Тогда ответьте мне: как я могу работать с режиссером, который сказал, что я говно?!

Кино – заведение босяцкое.

О своих работах в кино: «Деньги съедены, а позор остался».

– Сняться в плохом фильме – все равно что плюнуть в вечность.

– Получаю письма: «Помогите стать актером». Отвечаю: «Бог поможет!»

– Когда мне не дают роли, чувствую себя пианисткой, которой отрубили руки.

Глава III

Искусство, или Месса в бардаке

– Жемчуг, который я буду носить в первом акте, должен быть настоящим, – требует капризная молодая актриса.

– Все будет настоящим, – успокаивает ее Раневская. – Все: и жемчуг в первом действии, и яд – в последнем.

Раневская всю жизнь мечтала о настоящей роли. Говорила, что научилась играть только в старости. Все годы копила умение видеть и отражать, понимать и чувствовать, но чем тверже овладевала грустной наукой существования, тем очевиднее становилась невозможность полной самореализации на сцене. Оказалось, нет для нее ни Роли, ни Режиссера. Роль не придумали. Режиссер не родился.

Увидев исполнение актрисой Х. роли узбекской девушки в спектакле Кахара в филиале «Моссовета» на Пушкинской улице, Раневская воскликнула: «Не могу, когда шляха корчит из себя невинность».

Раневская хотела попасть в труппу Художественного театра.

Качалов устроил встречу с Немировичем-Данченченко. Волнуясь, она вошла в кабинет. Владимир Иванович начал беседу – он еще не видел Раневскую на сцене, но о ней хорошо говорят. Надо подумать – не войти ли ей в труппу театра. Раневская вскочила, стала кланяться, благодарить и, волнуясь, забыла имя и отчество мэтра: «Я так тронута, дорогой Василий Степанович!» – холодея произнесла она. «Он как-то странно посмотрел на меня, – рассказывает Раневская, – и я выбежала из кабинета, не простившись». Рассказала в слезах все Качалову. Он растерялся – но опять пошел к Немировичу с просьбой принять Раневскую вторично. «Нет, Василий Иванович, – сказал Немирович, – и не просите; она, извините, ненормальная. Я ее боюсь».

Однажды, посмотрев на Галину Сергееву, исполнительницу роли «Пышки», и оценив ее глубокое декольте, Раневская своим дивным басом сказала, к восторгу Михаила Ромма, режиссера фильма: «Эх, не имей сто рублей, а имей двух грудей».

Осенью 1942 года Эйзенштейн просил утвердить Раневскую на роль Ефросиньи в фильме «Иван Грозный». Министр кинематографии Большаков решительно воспротивился и в письме секретарю ЦК ВКП(б) Щербакову написал: «Семитские черты Раневской очень ярко выступают, особенно на крупных планах».

В разговоре Василий Катанян сказал Раневской, что смотрел «Гамлета» у Охлопкова.
– А как Бабанова в Офелии? – спросила Фаина Георгиевна.
– Очень интересна. Красива, пластична, голосок прежний...
– Ну, вы, видно, добрый человек. Мне говорили, что это болонка в климаксе, – связвила Раневская.

Охлопков репетировал спектакль с Раневской. Она на сцене, а он в зале, за режиссерским столиком. Охлопков: «Фанечка, будьте добры, станьте чуть левее, на два шага. Так, а теперь чуть вперед на шагок». И вдруг требовательно закричал: «Выше, выше, пожалуйста!» Раневская поднялась на носки, вытянула шею, как могла. «Нет, нет, – закричал Охлопков, – мало! Еще выше надо!» «Куда выше, – возмутилась Раневская, – я же не птичка, взлететь не могу!»
«Что вы, Фанечка, – удивился Охлопков, – это я не вас: за нашей спиной монтировщики флажки вешают!»

– Приходите, я покажу вам фотографии неизвестных народных артистов СССР, – зазываю к себе Раневская.

- Фаина Георгиевна! Галя Волчек поставила «Вишневый сад».
- Боже мой, какой ужас! Она продаст его в первом действии.

- У Юрского течка на профессию режиссера. Хотя актер он замечательный.

"...Ну и лица мне попадаются, не лица, а личное скорбление! В театр вхожу как в мусоропровод: фальшь, жестокость, лицемерие. Ни одного честного слова, ни одного честного глаза! Карьеризм, Подлость, алчные старухи!

...Тошно от театра. Дачный сортир. Обидно кончать свою жизнь в сортире.

"...Перестала думать о публике и сразу потеряла стыд. А может быть, в буквальном смысле «потеряла стыд» – ничего о себе не знаю.

...С упоением била бы морды всем халтурщикам, а терплю. Терплю невежество, терплю вранье, терплю убогое существование полунищенки, терплю и буду терпеть до конца дней.

Терплю даже Завадского".

(Из записной книжки.)

Раневская постоянно опаздывала на репетиции. Завадскому это надоело, и он попросил актеров о том, чтобы, если Раневская еще раз опоздает, просто ее не замечать.

Вбегает, запыхавшись, на репетицию Фаина Георгиевна:

– Здравствуйте!

Все молчат.

– Здравствуйте!

Никто не обращает внимания. Она в третий раз:

– Здравствуйте!

Опять та же реакция.

– Ах, нет никого?! Тогда пойду поссу.

– Доктор, в последнее время я очень озабочена своими умственными способностями, – жалуется Раневская психиатру.

– А в чем дело? Каковы симптомы?

– Очень тревожные: все, что говорит Завадский, кажется мне разумным... – Нонна, а что, артист Н. умер? – Умер.

– То-то я смотрю, он в гробу лежит...

– Ох, вы знаете, у Завадского такое горе!

– Какое горе?

– Он умер.

Раневская забыла фамилию актрисы, с которой должна была играть на сцене:

– Ну эта, как ее... Такая плечистая в заду...

– Почему, Фаина Георгиевна, вы не ставите и свою подпись под этой пьесой? Вы же ее почти заново за автора переписали!

– А меня это устраивает. Я играю роль яиц: участвую, но не вхожу.

Узнав, что ее знакомые идут сегодня в театр посмотреть ее на сцене, Раневская пыталась их отговорить:

– Не стоит ходить: и пьеса скучная, и постановка слабая... Но раз уж все равно идете, я вам советую уходить после второго акта.

– Почему после второго?

– После первого очень уж большая давка в гардеробе.

Говорят, что этот спектакль не имеет успеха у зрителей?

– Ну, это еще мягко сказано, – заметила Раневская. – Я вчера позвонила в кассу, и спросила, когда начало представления.

– И что?

– Мне ответили: «А когда вам будет удобно?»

– Я была вчера в театре, – рассказывала Раневская. – Актеры играли так плохо, особенно Дездемона, что когда Отелло душил ее, то публика очень долго аплодировала.

– Очень сожалею, Фаина Георгиевна, что вы не были на премьере моей новой пьесы, – похвастался Раневской Виктор Розов. – Люди у касс устроили форменное побоище!

– И как? Удалось им получить деньги обратно?

– Ну-с, Фаина Георгиевна, и чем же вам не понравился финал моей последней пьесы?

– Он находится слишком далеко от начала.

Как-то она сказала:

– Четвертый раз смотрю этот фильм и должна вам сказать, что сегодня актеры играли как никогда.

Вернувшись в гостиницу в первый день после приезда на гастроли в один провинциальный город, Раневская со смехом рассказывала, как услышала перед театром такую реплику аборигена: «Спектакль сегодня вечером, а они до сих пор не могут решить, что будут играть!»

И он показал на афишу, на которой было написано «Безумный день, или Женитьба Фигаро».

Раневская повторяла:

«Мне осталось жить всего сорок пять минут. Когда же мне все-таки дадут интересную роль?»

Ей послали пьесу Жана Ануя «Ужин в Санлисе», где была маленькая роль старой актрисы. Вскоре Раневская позвонила Марине Нееловой:

«Представьте себе, что голодному человеку предложили монпансье. Вы меня поняли? Привет!»

В Театре имени Моссовета, где Раневская работала последние годы, у нее не прекращались споры с главным режиссером Юрием Завадским. И тут она давала волю своему острому языку.

Когда у Раневской спрашивали, почему она не ходит на беседы Завадского о профессии актера, Фаина Георгиевна отвечала:

– Я не люблю мессу в бардаке.

Во время репетиции Завадский за что-то обиделся на актеров, не сдержался, накричал и выбежал из репетиционного зала, хлопнув дверью, с криком: «Пойду повешусь!» Все были подавлены. В тишине раздался спокойный голос Раневской: «Юрий Александрович сейчас вернется. В это время он ходит в туалет».

В «Шторме» Билль-Белоцерковского Раневская с удовольствием играла «спекулянтку». Это был сочиненный ею текст – автор разрешил. После сцены Раневской – овация, и публика

сразу уходила. «Шторм» имел долгую жизнь в разных вариантах, а Завадский ее «спекулянтку» из спектакля убрал. Раневская спросила у него: «Почему?»

Завадский ответил: «Вы слишком хорошо играете свою роль спекулянтки, и от этого она запоминается чуть ли не как главная фигура спектакля...»

Раневская предложила: «Если нужно для дела, я буду играть свою роль хуже».

Однажды Завадский закричал Раневской из зала: «Фаина, вы своими выходками сожрали весь мой замысел!» «То-то у меня чувство, как будто наелась говна», – достаточно громко пробурчала Фаина. «Вон из театра!» – крикнул мэтр. Раневская, подойдя к авансцене, ответила ему: «Вон из искусства!!»

Отзывчивость не была сильной стороной природы Завадского. А долго притворяться он не хотел. Когда на гастролях у Раневской случился однажды сердечный приступ, Завадский лично повез ее в больницу. Ждал, пока снимут спазм, сделают уколы.

На обратном пути спросил: «Что они сказали, Фаина?» – «Что-что – грудная жаба».

Завадский огорчился, воскликнул: «Какой ужас – грудная жаба!»

И через минуту, залюбовавшись пейзажем за окном машины, стал напевать: «Грудная жаба, грудная жаба».

Раневская говорила:

– Завадский простудится только на моих похоронах.

– Завадскому дают награды не по заслугам, а по потребностям. У него нет только звания «Мать – героиня».

– Завадскому снится, что он похоронен на Красной площади.

– Завадский родился не в рубашке, а в енотовой шубе.

Раневская называла Завадского маразматиком-затейником, уцененным Мейерхольдом, перпетуум кобеле.

Как-то она и прочие актеры ждали прихода на репетицию Завадского, который только что к своему юбилею получил звание Героя Социалистического Труда.

После томительного ожидания режиссера Раневская громко произнесла:

– Ну, где же наша Гертруда?

Раневская вообще была любительницей сокращений. Однажды начало генеральной репетиции перенесли сначала на час, потом еще на 15 минут. Ждали представителя райкома – даму очень средних лет, Заслуженного работника культуры. Раневская, все это время не уходившая со сцены в сильнейшем раздражении спросила в микрофон:

– Кто-нибудь видел нашу ЗасРаКу?!

Творческие поиски Завадского аттестовались Раневской не иначе как «капризы беременной кенгуру».

Делая скорбную мину, Раневская замечала:

– В семье не без режиссера.

Раневская говорила начинающему композитору, сочинившему колыбельную:

– Уважаемый, даже колыбельную нужно писать так, чтобы люди не засыпали от скуки...

Как-то раз Раневскую остановил в Доме актера один поэт, занимающий руководящий пост в Союзе писателей.

– Здравствуйте, Фаина Георгиевна! Как ваши дела?

– Очень хорошо, что вы спросили. Хоть кому-то интересно, как я живу! Давайте отойдем в сторонку, и я вам с удовольствием обо всем расскажу.

– Нет-нет, извините, но я очень спешу. Мне, знаете ли, надо еще на заседание...

– Но вам же интересно, как я живу! Что же вы сразу убегаете, вы послушайте. Тем более, что я вас не задержу надолго, минут сорок, не больше.

Руководящий поэт начал спасаться бегством.

– Зачем же тогда спрашивать, как я живу?! – крикнула ему вслед Раневская.

За исполнение произведений на эстраде и в театре писатели и композиторы получают авторские отчисления с кассового сбора.

Раневская как-то сказала по этому поводу:

– А драматурги неплохо устроились – получают отчисления от каждого спектакля своих пьес! Больше ведь никто ничего подобного не получает. Возьмите, например, архитектора Рерберга. По его проекту построено в Москве здание Центрального телеграфа на Тверской. Даже доска висит с надписью, что здание это воздвигнуто по проекту Ивана Ивановича Рерберга. Однако же ему не платят отчисления за телеграммы, которые подаются в его доме!

– Берите пример с меня, – сказала как-то Раневской одна солистка Большого театра. – Я недавно застраховала свой голос на очень крупную сумму.

– Ну, и что же вы купили на эти деньги?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.